

— Юньсэ, как ты думаешь, правду ли она говорит?

Ду Юньсэ покачал головой:

— Трудно сказать.

Цю Хуанянь спрашивал не о том, действительно ли отец Бай Юйчуань пользуется благосклонностью столичного князя. Он уже объяснял сестре: будь зять вдовы Чжуан столь влиятелен, её жизнь в деревне была бы совсем иной. Однако Юйчуань вряд ли выдумала «столичного князя» на пустом месте. Вероятно, она слышала об этом от отца и теперь кичилась громким именем, желая запугать соседей.

Вдова Чжуан твердила, что зять приехал в уезд Чжан по торговым делам, а семью привез навестить родню. Но какие такие дела могли заставить купца из самой столицы проделать столь долгий путь в их захолустье?

Хуанянь невольно задумался. После того как Шилиу — личный телохранитель наследного принца — прожил в их доме несколько дней, стало ясно: хоть они и обосновались в глуши, им не скрыться от отголосков дворцовых интриг.

Юньсэ на мгновение задумался.

— Если столичные силы потянулись в Ляочжоу, то, скорее всего, из-за бесчинств татар на границе.

— У Шэнь писал в письме, что их армия обзавелась новым оружием неизвестного происхождения, да и провианта у них в этом году в избытке? — вспомнил Хуанянь.

— Татарская орда напала на гарнизон Цзиншань, надеясь прорвать оборону и хлынуть во внутренние земли, чтобы разграбить города. Кто же знал, что У Шэнь встанет у них на пути костью в горле? Их внезапное усиление не осталось незамеченным для империи.

Юньсэ посмотрел на небо за окном, затянутое тяжелыми, серыми тучами.

— Двору удавалось сдерживать поток зерна и железа в степи. Когда донесение У Шэня достигло столицы, это вызвало переполох. На границу наверняка отправили людей для тайного расследования. В таких делах никто из великих мира сего не останется в стороне. Даже опальный наследный принц... Шилиу ведь ездил в Цзиншань не просто для того, чтобы передать снадобья «кузену».

— Те, кто затеял всё это, хотят замести следы. Те же, кто жаждет власти, ищут повод сокрушить врагов.

Хуанянь вздохнул и поднялся, чтобы закрыть дверь в дом. На улице поднялся ветер; порывы закружили песок и сухую траву, яростно бросая их в воздух.

— В провинции Ляочжоу и префектуре Сянпин... скоро начнется смута.

Казалось, с изгнанием семьи Чжао из их жизни ушли все тревоги. До сбора первого хлопка оставалось меньше месяца, и Хуанянь уже привык к мирному течению дней, сосредоточившись на хозяйстве и полевых работах. Но теперь он осознал: из самого сердца империи надвигается грозная туча, и её удар, пусть даже косвенный, может в одночасье разрушить их с трудом обретенное счастье.

Ду Юньсэ пока был мелкой сошкой в глазах сильных мира сего, но любая оплошность могла втянуть его в опасную игру, где выжить почти невозможно. К тому же за ним всегда тянулась невидимая нить, край которой держал сам император. Если положение на границе станет критическим, Юаньхуа не побоится дернуть за эту нить.

Юньсэ обнял Хуаняня, ласково поглаживая его по спине.

— Братец Хуа, я не дам вас в обиду.

Сквозь тонкую ткань летней одежды Хуанянь почувствовал жар его ладоней и легкую дрожь. Он поднял руки и крепко прижал Юньсэ к себе.

— Ду Юньсэ, и ты не бойся. Я всегда буду на твоей стороне.

Ветер с силой ударил в оконную бумагу. Солнце скрылось за горизонтом, и тьма начала медленно пожирать остатки света. В этом уединенном доме, замершем в предчувствии бури, двое людей искали опору друг в друге.

В деревне редко случалось что-то новое, поэтому весть о приезде дочери вдовы Чжуан с двумя детьми мигом облетела все дворы.

Тётушка Цюань заглянула к Хуаняню поболтать и, пока чинила одежду, разоткровенничалась:

— Когда я только вышла замуж и приехала в Деревню семьи Ду, Цзыжун была ещё здесь. Муж вдовы Чжуан тогда уже помер, и каково было женщине одной растить дочку... Моя свекровь частенько велела мне подкидывать им еды да помогать по хозяйству. Вдова Чжуан — женщина

добрая, а вот девка эта...

Цюянь замолчала и лишь покачала головой, не желая поминать старые обиды, но рассказала то, что и так многие знали.

— Лет одиннадцать-двенадцать назад Цзыжун пошла в город продавать яйца, а вернулась под руку с чужаком в шелках. И в крик: «Выйду за него, и всё тут!». Вдова Чжуан — мать, дочь у неё одна-единственная, как ей было отдать её неизвестно кому? Она тогда такой скандал закатила, на всю деревню голосила.

— Я тогда была молодая, в деревенские дела особо не лезла. Не знаю уж, как та девка мать уломала, но вдова сдалась. Тот человек накрыл в деревне пару столов для приличия и увез её. С тех пор Цзыжун и не казвалась. Раз в год присылали весточку, да ведь вдова неграмотная, вечно бегала к Главе клана, чтоб письмо прочли.

— Кто-то болтал, мол, она в шелках да золоте купается и про мать забыла. Другие шептались, что померла она, раз не едет. И вот на тебе — явилась с двумя детьми. Кто бы мог подумать.

Хуанянь всё не мог забыть слова Юйчуань про «князя» и вполголоса спросил у Цюянь:

— А что за человек был тот зять? Неужто никто не проведал, откуда он?

— Вроде как из-под самой столицы, — неуверенно ответила та. — Купец какой-то. Я его только издали видела, так что про дела его ничего не знаю.

В это время в кабинете Юнькан вместе с Чуньшэном, Цзюцзю и Чи Цинхэ прилежно читали книги. Ду Юньсэ велел им заучивать пройденное, и Цюянь, слыша звонкий голос сына, невольно улыбнулась.

— Хуанянь, мой родственник прислал ответ. Пишет, что на границе сейчас неспокойно. Перед самым сбором урожая власти объявили уже вторую волну трудовой повинности — гонят народ стены чинить да провиант таскать. Семена женьшеня он постарается добыть, но в этом году, боюсь, много не соберет.

После подарков Шилиу Хуанянь не нуждался в семенах срочно, поэтому он лишь кивнул, но встревожился из-за новостей.

— Снова повинность?

— Да, в письме сказано, что в их краях из каждого двора по человеку забрали. Только ученых с титулами да единственных кормильцев не тронули, остальные все под метлу попали.

Династия Юй обычно оберегала крестьян в страду. Повинности назначали после сбора урожая, когда в поле делать нечего, да и брали людей понемногу. А чтобы так, по несколько уездов сразу и из каждого дома — такое на памяти Цюянь случалось лишь однажды, почти двадцать лет назад, перед тем как государь лично повел войско на врага.

— Наш уезд Чжан хоть и не на самом рубеже, но тоже близко, — вздохнула Цюянь. — Если людей не хватит, не дойдет ли очередь и до нашей деревни? Обычная работа — полбеда, но ведь их на самую границу шлют...

Юнькану было всего семь, он по возрасту не подходил, поэтому его отца, Баошаня, забрать не могли — он оставался единственным взрослым мужчиной в доме. У Хуаняня Чуньшэн был мал, а Юньсэ обладал титулом сюэя, так что их в списках точно не было. Но в других семьях Деревни семьи Ду почти в каждом доме был кто-то подходящий. Если придет приказ, деревня опустеет. Даже сыновьям Главы клана придется идти. А когда гребут всех подряд, откупиться или найти замену почти невозможно.

— Пока это только приграничные земли, — успокоил её Хуанянь. — До уезда Чжан ещё далеко. Может, к тому времени наберут достаточно людей.

— Дай-то Бог, — вздохнула тётушка.

Вдруг за стеной раздался громкий удар, прервавший чтение в кабинете. Хуанянь вышел проверить, что случилось. Следом за ним из комнаты вышел Юньсэ. У западной стены дома они нашли сдувшийся мяч — видимо, он и стал причиной шума.

Бам! Бам! Бам!

В ворота неистово забарабанили. Юньсэ нахмурился и, знаком велел Хуаняню остаться, сам пошел открывать. Хуанянь выглянул из-за его плеча и увидел за порогом мальчишку лет восьми-девяти. Тот стоял, выпятив пузо и задрал подбородок выше головы.

— Мой мяч улетел к вам во двор! Живо верни!

Тётушка Цюянь подошла к Хуаняню и прошептала:

— Это сын Цзыжун. Ну и нрав...

Она не договорила, но смысл был ясен: мать вроде как за богатого вышла, а воспитала сына хуже деревенского. Сам забросил игрушку к соседям, а вместо того чтобы вежливо попросить, стоит и командует.

Хуанянь поднял мяч:

— Этот?

Мальчишка увидел игрушку и тут же скривился:

— Почему он сдуся? Только что нормальный был! Это мне папа подарил, платите за него!

Хуанянь невольно рассмеялся. Хоть он и понимал, что спорить с ребенком глупо, этот несносный мальчишка просто напрашивался.

— Значит, признаешь, что мяч твой? — Хуанянь качнул находкой в руке. — Тем лучше. Твоя игрушка ворвалась к нам и помешала детям учиться. Иди и позови взрослых, пусть придут и извинятся, иначе мяч не получишь.

— Ты... ты! — Мальчик открыл рот от возмущения и сорвался с места.

— Ну и не надо! Вот позову сестру, она тебе задаст!

Шум привлек детей из кабинета. Чуньшэн выбежал во двор и крикнул вслед:

— Да зови кого хочешь! Наша сестрица сильнее твоей в сто раз!

Хуанянь прыснул, а Юньсэ строго прикрикнул:

— Чуньшэн, разве я разрешал тебе выходить? Живо за книги!

Тот вмиг притих и понуро побрел обратно. Цзюцзю тоже едва сдерживала смех, кусая губы. Конечно, Хуанянь не собирался всерьез препираться с Юйчуань. Он просто закрыл ворота, бросил мяч в углу двора и вернулся к беседе.

Вечером, когда пришло время Чи Цинхэ уезжать, Цзюцзю проводила её до ворот.

— Завтра урок музыки, я буду ждать тебя.

— Наверное, завтра начнем новую пьесу? — глаза Цзюцзю азартно блеснули. — Вечером ещё раз повторю ноты.

Чи Цинхэ улыбнулась:

— Ты и так учишься быстрее всех. Чтение, цитра, вышивка, да ещё и по дому помогаешь... Дай себе хоть немного передохнуть.

Цзюцзю лишь загадочно улыбнулась. Многие считали, что она слишком нагружает себя, но на самом деле именно эти знания давали ей чувство уверенности и радости.

Когда экипаж Чи Цинхэ скрылся из виду, Цзюцзю обернулась и заметила, что дверь соседнего дома приоткрыта. Там стояла Юйчуань, провожая её тяжелым, недобрим взглядом. Девочки скрестили взоры. Лицо Юйчуань исказилось от злости, а во взгляде Цзюцзю застыл ледяной холод.

Как только Цзюцзю скрылась за новыми воротами, Юйчуань в сердцах топнула ногой:

— Подумаешь, деревенщина из семьи сюэя! Да в столице такие мне и туфли поднести не смели бы!

Вспомнив изящный нефритовый браслет на руке Цзюцзю, Юйчуань посмотрела на свои пустые запястья, и в груди её вскипела обида. Раньше у неё были украшения куда лучше, но перед отъездом служанки мачехи отобрали всё до нитки, даже лучшие платья из узлов вытащили. Теперь ей приходилось донашивать простые холщовые обноски.

— Юйчуань, иди воды принеси! — раздался голос вдовы Чжуан.

Девочка закатила глаза, едва сдержав ругань. Какая-то безграмотная деревенская бабка смеет ей указывать! Дома она была настоящей молодой госпожой, у которой были слуги, а здесь приходится заниматься черной работой.

«Папа просто на время поверил наветам мачехи, — утешала она себя. — Пока мой брат жив, мы рано или поздно вернемся в столицу. И тогда я заставлю всех этих выскочек умыться слезами!»

Юйчуань прищурилась, и её ногти, на которых ещё остались следы алой краски, больно впились в ладони.

На следующее утро, пока солнце ещё не начало припекать, за Цзюцзю приехала служанка из поместья Сун. Деревенские уже привыкли к виду этого экипажа и лишь вздыхали, глядя на нарядную девочку: «Ишь, совсем как барышня стала».

Цуньлань, сжимая в руке пучок полевых цветов, пряталась в тени, пока повозка не скрылась за поворотом. На спине у неё висел тяжелый короб с травой для скота, которую она накосила на рассвете.

Она побрела к дому, опустив голову, как вдруг дорогу ей преградили чьи-то новые туфли. Цуньлань подняла глаза и увидела внучку вдовы Чжуан. Слышала она, что характер у той

скверный, и хотела было обойти, но та заговорила первой:

— А ведь ты раньше дружила с Ду Цзюцзю, верно?

— Слыхала я, что они раньше в нищете прозябали, только ты с ней и водилась. А теперь брат её выбился в люди, дом отгрохали, со знатными девицами якшаются — и стала ты ей не нужна.

— Посмотри на неё: в шелках ходит, в золоте. Хоть бы одну заколку тебе подарила в память о дружбе! С виду вроде родня, а на деле — будто ты у неё в служанках.

— Будь я на твоём месте, я бы не дала ей так заноситься. Брат её — всего лишь сюцай, а твой дед — целый Глава клана! Если захочешь проучить её, только скажи — я мигом придумаю, как поставить их на место.

Юйчуань развернулась и ушла, оставив Цуньлань одну. Девочка стояла, опустив голову, и крупные слезы закапали на пыльную землю, мгновенно исчезая. Она бросила на дорогу измятые цветы и, утирая слезы, со всех ног припустила домой.

Её мать, Е Таохун, увидев плачущую дочь, всплеснула руками:

— Цуньлань, что стряслось? Уходила за травой веселая, а вернулась в слезах!

Цуньлань лишь кусала губы и молчала. Мать сняла с её плеч короб и повела за собой в хлев.

— Ну, не хочешь говорить — не надо. Вот придет Цзюцзю, ей всё и выложишь.

— Кстати, — продолжала Е Таохун, насыпая корм свиньям, — её узоры для вышивки так и лежат на комодке. Посмотрела — верни скорее, вещь-то дорогая, не меньше цянтя серебра стоит. Негоже нам чужое так долго держать.

— И ты, дочка, не сиди сиднем. Цзюцзю сейчас занята, так ты сама к ней сходи. Хуанянь вон в прошлый раз звал тебя в мадяо играть!

Цуньлань всхлипнула, смахивая новую слезу. Она молча присела рядом с матерью и стала помогать ей, не проронив ни слова.

За тысячи ли отсюда, в величественном Императорском городе, стража вокруг зала Чуньхэ стояла нерушимой стеной. Под палящим солнцем этот великолепный дворец казался странно пустым и холодным.

Шилиу замер на коленях в боковом покое, ожидая, пока человек перед ним закончит изучать привезенное.

Наконец наследный принц Цзя Хунъюань отложил письма и поднес их к пламени свечи. Бумага вспыхнула, и черный пепел медленно осел на пол, рассыпаясь в прах.

— Как рана У Шэня?

— Молодой генерал ранен в предплечье. Я осмотрел его — жизни и службе ничто не угрожает, — ровно ответил Шилиу. — Генерал просил передать Вашему Высочеству: берегите себя и не терзайте сердце напрасными думами.

Хунъюань грустно улыбнулся. Он помнил, как У Шэнь впервые приехал в столицу навестить кузена и застал его во время приступа. Дерзкий мальчишка тогда побледнел как полотно, и с тех пор при каждой встрече первым делом спрашивал: «Ваше Высочество, как вы себя чувствуете сегодня?».

— И что, У Шэнь не ропщет?

— Генерал не ищет наград. Он жаждет лишь одного — вернуться в бой.

— Верно. В доме великого генерала он навидался сокровищ, так что почести его не прельщают.

Уголки губ принца были приподняты, но взгляд оставался ледяным. У Шэнь мог не заботиться о славе, но Хунъюань обязан был позаботиться о нем. В этом мире осталось слишком мало людей, кому он был по-настоящему дорог.

Принц обернулся. Фигура Шилиу почти сливалась с густыми тенями в углу комнаты.

— Шилиу, подойди ближе.

Хунъюань поднес свечу. Шилиу не шелохнулся. Он привык беспрекословно подчиняться любому слову принца — прикажи тот ему сейчас: «Шилиу, умри», он бы, не дрогнув, перерезал себе горло.

При свете пламени Хунъюань внимательно рассматривал своего верного слугу — от чела до кончиков пальцев. Шилиу замер, устремив пустой взгляд в пространство, сохраняя привычную маску бесстрастия.

— Ты сильно осунулся за время поездки. Отдохни несколько дней, будешь обедать со мной.

Шилиу кивнул. Хунъюань прикрыл рот рукой, сдерживая кашель, и взглянул на его левый бок:

— А где твой меч?

— Ваше Высочество, на прием к вам являться с оружием запрещено правилами.

Хунъюань покачал головой:

— Если бы ты оставил меч за дверью, на твоём рукаве остался бы след от ножен. А его нет.

Наследный принц великой державы помнил каждую мелочь в облике своего телохранителя. Будь на месте Шилиу кто-то другой, он бы либо расплакался от такой заботы, либо задрожал от страха.

Но Шилиу лишь спокойно ответил:

— Подарил.

— Подарил? — Хунъюань вскинул бровь, но не стал расспрашивать дальше.

Глядя на покорно опущенную голову Шилиу, он вдруг спросил:

— Шилиу, скажи: что бы я ни приказал, чего бы ни пожелал — ты всё исполнишь?

— Моя верность Вашему Высочеству вечна, как небо и земля.

— Верность... Да, верность. — Принц побледнел от нового приступа кашля и махнул рукой. — Иди, отдохай.

Шилиу бесшумно поднялся, но прежде чем он успел выйти, Хунъюань заговорил снова:

— Шилиу, ты всё ещё ищешь свою семью?

Тот на мгновение замер.

— Я... больше не ищу.

Хунъюань медленно кивнул.

— Девятнадцать лет назад клан Мэй из Гучжу был признан виновным в измене за то, что не удержал город. Всех взрослых мужчин до пятого колена сослали в Линьнань, женщин и детей забрали во дворец как рабов. Из главной ветви рода Мэй в живых не осталось никого — кроме маленького гээр, которого нашли под телами его родных, укрывших его собой.

Шилиу застыл на границе света и тени, его спина напряглась, словно натянутая струна.

Принц знал о его прошлом всё — так хозяин ведаёт вес и остроту своего клинка. Но зачем было говорить об этом вслух? Шилиу давно уже стал лишь тенью, лишенной имени.

Хуньюань заметил смятение на его обычно суровом лице. Сердце принца невольно дрогнуло.

— Даже если найдешь их — не смей признаваться, — вздохнул он. — Пока с рода Мэй не снято клеймо изменников, любая весть о них приведет лишь к каторге или рабству.

Губ Шилиу шевельнулись, но голос подвел его.

— Я понимаю.

Он и сам всё это знал. Но услышать правду в лицо было всё равно что сорвать едва затянувшийся струп с кровавой раны. Боль была такой, что по телу пробежала дрожь. А ведь его годами учили не чувствовать боли.

Пальцы Хуньюаня дрогнули. Он хотел сказать что-то ещё, но промолчал. Полузабытый принц, запертый в собственном дворце, не был волен даже в своих словах.

— Шилиу, ты — человек, которого матушка выбрала для меня.

— Шилиу... иди. Отдохни и поскорее возвращайся ко мне.

<http://bllate.org/book/15363/1417364>